

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (16)

2016

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2016

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2016

© Журнал «Поволжская археология», 2016

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2016

© Mari State University, 2016

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования и публикации

<i>Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л. (Казань, Россия).</i> Мусульманская археология: объем и содержание понятия	8
<i>Беляев Л.А. (Москва, Россия).</i> Исламский восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке	18
<i>Зиливинская Э.Д. (Москва, Россия).</i> Культовая архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции	44
<i>Измайлов И.Л. (Казань, Россия).</i> Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в.: опыт комплексного анализа.....	68
<i>Смагулов Е.А. (Алматы, Казахстан).</i> Застройка центральной площади города Сауран XIV–XVI вв.	93
<i>Бочаров С.Г. (Симферополь, Россия).</i> Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах	120
<i>Кирилко В.П. (Симферополь, Россия).</i> Михраб мечети в Шейх-Кой	138
<i>Беляев Л.А., Елкина И.И., Лазукин А.В. (Москва, Россия).</i> Новые исследования на территории Малого городка Болгара	151
<i>Пигарёв Е.М. (Астрахань, Россия).</i> Красноярское городище и его округа.....	164
<i>Волков И.В. (Москва, Россия).</i> Два города в Нижнем Поволжье на карте мира 1457 года.....	182
<i>Баранов В.С., Губайдуллин А.М. (Казань, Россия).</i> О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году	193
<i>Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. (Казань, Россия).</i> Меллятамакское VI селище чияликской культуры.....	219
<i>Макарова Е.М., Ситдииков А.Г., (Казань, Россия), Бочаров С.Г.</i> <i>(Симферополь, Россия).</i> Морфология посткраниального скелета населения Болгара (по материалам СХСІ раскопа)	244
<i>Белавин А.М. (Пермь, Россия).</i> Золотые височные кольца с уточкой из Пермского Предуралья	260

Критика и библиография

- Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия).* Рецензия на книгу: Зиливинская Э.Д.
Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культовое зодчество.
М.; Казань: Отечество, 2014. 228 с.,+220 с., илл. 270

Хроника

- Беляев А.В., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия).*
V научный семинар «Междисциплинарные археологические
и естественнонаучные исследования памятников
культурного наследия: Болгар и Свияжск» 278
- Зеленева Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия).*
Герман Алексеевич Федоров-Давыдов (1931-2000) 285
- Список сокращений 292
- Правила для авторов 293

CONTENTS

Research and publications

<i>Sitdikov, A.G., Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation). Muslim Archaeology: Scope and Content of the Concept</i>	8
<i>Belyaev L.A. (Moscow, Russian Federation). The Islamic Orient and the Development of Material Culture of Muscovy: Evaluation Methods</i>	18
<i>Zilivinskaya E.D. (Moscow, Russian Federation). Cult Monuments in the Golden Horde: Origin and Tradition</i>	44
<i>Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation). Archaeology and Islam in the Middle Volga Region in 10th – first third of 13th centuries: an experience of a complex analysis</i>	68
<i>Smagulov E.A. (Almaty, Kazakhstan) The Ensemble of the Central Square of Sauran City-Site, 14th – 16th Centuries</i>	93
<i>Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation). Mosques of Caffa (Kefe) City in 1340–1779</i>	120
<i>Kirilko V.P. (Simferopol, Russian Federation). Mihrab of the Mosque in Sheikh-Coy</i>	138
<i>Belyaev L.A., Elkina I.I., Lazukin A.V. (Moscow, Russian Federation). New Studies on the Territory of Malyi Gorodok on Bolgar Fortified Settlement</i>	151
<i>Pigarev E.M. (Kazan, Russian Federation). Krasny Yar Hillfort and its Environs</i>	164
<i>Volkov I.V. (Moscow, Russian Federation). Two Towns in the Lower Volga Region on the <i>Mappa Mundi</i>, 1457</i>	182
<i>Baranov V.S. (Kostroma, Russian Federation), Gubaidullin A.M. (Kazan, Russian Federation). Some Findings of the Study of Pre-Mongolian Strata of Bolgar Fortified Settlement on Digs CLXXII and CLXXVI in 2012</i>	193
<i>Kazakov E.P., Chizhevsky A.A., Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation). Mellya-Tamak VI Settlement of Chiyalik Culture</i>	219
<i>Makarova E.M., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation). Postcranial Skeleton Morphology of the Population of Bolgar (by materials from dig CXCI)</i>	244
<i>Belavin A.M. (Perm, Russian Federation). Gold Temporal Rings with a Small Duck from the Perm Cis-Urals</i>	260

Criticism and bibliography

- Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation)*. Book Review: E.D. Zilivinskaya.
Architecture of the Golden Horde. Part 1. Cult Monuments.
Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ., 2014. 228 p.,+ 220 p., ill.....270

Chronicle

- Belyaev A.V., Valiev R.R., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)*.
V Scientific Workshop "International Archaeological and Natural
Scientific Studies on Cultural Sites: Bolgar and Sviyazhsk" 278
- Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation)*.
Gherman Fyodorov-Davydov (1931–2000) 285
- List of abbreviations 292
- Submissions 293

УДК 902/904

**ИСЛАМСКИЙ ВОСТОК И ФОРМИРОВАНИЕ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ:
О МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ОЦЕНКЕ¹**

© 2016 г. Л.А. Беляев

В статье обсуждается возможность и методика археологического изучения вклада мусульманского мира в становление Московской Руси. До сих пор исследования были сосредоточены на выявлении взаимопроникновения элементов материальной и художественной культуры. Это необходимо, но недостаточно. Следует поставить новые задачи: очертить и охарактеризовать зоны пересечения разнокультурных потоков; выделить формы и этапы таких контактов; понять способы первичного восприятия импульсов, рождавшие своеобразие национально окрашенных культур Средневековья и Нового времени; проследить переработку этих импульсов в дальнейшей перспективе; попытаться понять, существовала ли в прошлом археологически монокультурная среда, принадлежавшая сосуществующим разноязыким и разноконфессиональным группам.

Ключевые слова: археология, история, археология ислама, историческая археология, Московская Русь, мусульманский Восток, этноконфессиональные группы, культурные контакты, культура.

Тема этой статьи возникла в середине 1990-х годов, когда выдающийся ориенталист Олег Грабар предложил подать в IAS (Princeton, USA) проект, связанный с археологией. Автор статьи, опираясь на опыт участия в полевых исследованиях городов Булгарии, Нижнего Поволжья и Хорезма, а также лекции и труды учителей (особенно Г.А. Федорова-Давыдова и М.Д. Полубояриновой), попытался подготовить обзор «восточных древностей»² на Руси. В своей археологической части обзор был издан в фундаментальном «Мукварнас» (Beliaev,

Chernetsov, 1999. Рр. 97–124; там же историография до 1990-х гг.).

Характер обзора с точки зрения методики был произвольным, и мы с А.В. Чернецовым решили заново сформулировать задачи сравнительного анализа древностей ислама на Руси в контексте мировых цивилизаций. Направление было заявлено на конференции 1999 года (Беляев, 1999, с. 40–47; Беляев, Чернецов, 1999, с. 205–226) и через десятилетие нашло место в сборнике, посвященном археологическому и художественному изучению древностей авраамических

¹ Статья написана в рамках НИР «Культура Московской Руси и ее истоки» (0176-2015-0007).

² Понятия «Ислам» и «Восток» использую как синонимы, ведь на Русь элементы более отдаленных восточных традиций попадали благодаря контактам с исламским миром, и наоборот: его культурные элементы поступали с христианского Востока и через Западную Европу, а не прямо с Ближнего Востока или из Центральной Азии (Беляев, 2010, с. 18–27).

религий (см.: Беляев, 2009, с. 5–28).

Важным шагом в структурировании темы «Русь и Восток» стала конференция, проведенная в 2007 году в Казани (см.: РИВ, 2010). На ней были высказаны соображения о необходимости выделения критериев для оценки межкультурного диалога, создания соответствующего научного инструментария и понятийного аппарата (при опоре на западный опыт сопоставления ориентализма с реальным «исламским вкладом» в становление Нового времени Европы (Беляев, 2010, с. 18–27). Параллельно шли углубленные вещеведческие исследования восточной керамики от времени Древней Руси (Коваль, 2010) до эпохи русско-турецких контактов Нового времени (Гусач, 2014, с. 596); уточнялись возможности использования исламского опыта в архитектурной орнаментике (Ситдииков, Шакиров, 2009, с. 385–394; Беляев, 2013, с. 28–37; 2014b, с. 7–8).

Задача выйти на новый уровень осмысления роли Улуса Джучи в развитии пространств от Днестра и Крыма до Волги и Камы ставится и в недавнем сборнике под редакцией С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдиикова (ГГЗО, 2015), особенно в сводках историко-географического и археологического характера, убедительно показавших близость ряда мобильных артефактов на южных и центральных территориях улуса. К ним явно следует добавить и распространение их в северной зоне, то есть в центральнорусских землях.

Сегодня археология ислама осознается мировой наукой как часть «исторической археологии» – в нее включают Новое время (отсчитывая его с конца XV в., так что никого уже не удивляет появление Османской

империи в энциклопедиях мировой археологии). В России – стране сравнительно молодой – основу национальных древностей образует археология поздняя, от средних веков до имперского периода (Беляев, 2012; 2014a). Поэтому для археологии Московской Руси, ищущей признания как новая часть науки и культуры, проблематика исламского Востока обладает особой важностью – это стимул роста.

Археология ислама важна своим плотным прилеганием к истории российского государства, хорошей сочетаемостью со всей ее толщей: она пронизывает все эпохи развития страны, начиная с сюжетов «оборот восточного серебра» и «выбор веры», и заканчивая процессом «открытия Востока» в XVII, XVIII, даже XIX–XXI вв. Она существенна для периода «единых государств» с центром сначала в Поволжье, позже – в Москве, затем – в Петербурге, откуда начинается обратное движение назад, на территорию ислама. В результате археологию ислама в пределах России и за ее южной границей можно изучать на землях огромной протяженности, вплоть до 60-й параллели (это примерно отвечает широте Санкт-Петербурга и существенно севернее Москвы).

Итак, древности исламской цивилизации и их воздействие на Московскую Русь – важная часть национального научного и культурного дискурса. Но, хотя взаимодействие с миром ислама как одну из базовых проблем в России изучают с XIX века и археология накопила огромный опыт, методический подход не далек от вылавливания в общей массе русского материала ориентально окрашенных предметов, и наоборот,

древнерусских «импортов» в исламизированные пространствах Поволжья, Причерноморья, Прикавказья, гораздо реже – Зауралья.

Благодаря этому процессу «опознания» и работе по уточнению атрибуций материал обеих группы вырос столь существенно, что требует осмысления на уровне более сложном, чем простая статистика. Тяга к структурному подходу явственно отражена в исследованиях последних десятилетий, но чаще она выражена в стремлении максимально ввести в оборот возрастающий по объему материал и на объективной основе противостоять произвольным гипотезам.

Требуется понять, какой процесс мы наблюдаем. Постепенное сложение единого, с точки зрения политической и материальной культуры, пространства, внутри которого до поры успешно сосуществуют социально-экономические и этноконфессиональные сообщества? Своеобразную колонизационную модель, где одна часть живет за счет подавления и эксплуатации другой (конечно, не в терминах марксовой «теории классов»), перерабатывая и усваивая ее культурные традиции? Или симбиоз, где элементы культур сосуществуют, не смешиваясь и не вторгаясь в пространство друг друга, кроме особых случаев военных контактов, следы которых заслуживают особого внимания (см., напр.: Энговатова, 2012, с. 213–247), – примерно так, как хищники и травоядные перемещаются в ограниченном пространстве саванны?

С точки зрения археологии, это означает продвижение от задач атрибуции отдельных предметов или статистической оценки к вопросам усвоения/отторжения чужого культурного

опыта (= вкуса, моды и т.п.) и/или форм его переработки. Напомню о бродячей идее, высказанной в известной работе Игоря Копытова 1980-х годов, опубликованной в не менее известном сборнике «Общественная жизнь вещей»: «Biographies of things can make salient what might otherwise remain obscure... what is significant about the adoption of alien objects – as of alien ideas – is not the fact that they are adopted, but the way they are culturally redefined and put to use» (Копытофф, 1986, p. 67)³.

Конкретные примеры такого подхода уже есть, они рисуют интересную, хотя и противоречивую, картину культурного взаимодействия. Казавшиеся перспективными направления показали отсутствие связи. Так, генезис русского изразца, одного из базовых элементов московской культуры XVII в., априорно воспринимаемый в XIX в. как след исламской традиции, оказался полностью оторван от лежащего по соседству исламского мира и технологически (в изразце восточных стран нет румп, применяется иная техника полихромии в эмали), и сюжетно (восточные мотивы, конечно, приходят, но через орнаментику восточных ткани и графику Европы XVI–XVII вв.). Более того, можно доказательно продемонстрировать привнесение печного изразца из Московии в Среднее Поволжье во второй половине XVI в. или в XVII в.

---

³ «Биографии вещей молчаливо воскрешают то, что иначе могло бы остаться неизвестным... в формах адаптации чужеродных предметов (да и чужих идей тоже) важен не факт адаптации, а тот способ, которым они культурно перерабатываются и применяются». Вариант перевода: Копытофф, 2006, с. 138.

Рис. 1. Надгробие инокини Неонилы (Натальи), Зачатьевский (Алексеевский) монастырь, Москва, 1638/9 г. (ИА РАН, 2005): а – общий вид; б – фрагмент с датой.

Fig. 1. Nun Neonila (Natalia)'s grave-stone, Zachatyevsky (of St Anna's Conception) and of St Alexej Convent, Moscow, 1638/9 (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2005): a – general view; b – fragment with date.

Обратная ситуация, при которой стилевые контакты получили подтверждение и абсолютно точную привязку – цветочный орнамент надгробий Казани (более широко, Волжской Булгарии), чей перенос в Московию фиксируется в XVII в. (Ситдиков, Закиров, 2009, с. 385–394; в последующем недолгом развитии резных погребальных сооружений Москвы медиатором по-прежнему служат декоративные ткани и металлические изделия) (рис. 1, а–б).

Есть и промежуточные версии: вопрос о воздействии изощренной эпиграфики исламских каллиграфов на генезис вязи, кириллического варианта декоративного шрифта, мало исследован, но ее воздействие не отрицается – мы делим его с Европой, где выработка декоративных шрифтов в Средние века и Новое время испытала воздействие восточного орнамента.

В архитектуре эти варианты как бы собраны воедино. Попытки отыскать

хотя бы частные «заимствования» конструктивных приемов у исламских мастеров зодчими Московии в XIII–XVII вв. до сих пор приводили только к неудачам (напр. у С.С. Подьяпольского). Очевидно, что явлений, подобных андалусскому *мудехару* (стилю, рожденному смешением исламской традиции с романскими и готическими элементами) и аналогичным западно-средиземноморским, в русской архитектуре нет. Но в памятниках Звенигорода первой четверти XIV в., построенных по заказу князя Юрия Дмитриевича, давно отмечен след мастеров, владевших приемами построения восточного архитектурного орнамента. Сегодня можно уточнить и маршрут, по которому пришел импульс, уточнить принцип отбора и трансформации восточных элементов (Беляев, 2014b, с. 7–8).

Как известно, расцвет фасадной резьбы русского Северо-Востока в эпоху Всеволода Большое Гнездо и его

наследников был резко оборван, и проследить линию ее развития более чем за полтора столетия (1230–1400-е гг.) пока не удастся. В науке всегда предполагали продолжение этой линии, что подтверждают недавние находки в Твери конца XIII столетия. Но в XIV в. эта традиция довольно резко меняется. Хрестоматийно известные храмы, сохранившие фасадную резьбу, Успенский собор на Городке и Рождественский кафоликон Саввино-Сторожевского монастыря Звенигорода, Троицкий собор Сергиева монастыря, а также камни собора Богоявленского монастыря за Торгом и Благовещенского собора в Кремле (Москва) демонстрируют совершенно новую манеру оформления как в отношении композиции (пояса-фризы, горизонтально расчленяющие фасад и украшающие барабан купола), так и в отношении мотивов (сложные растительные плетенки) (рис. 2, а–с).

Отобрав простые и ритмически повторяющиеся из этих мотивов, московские мастера будут воспроизводить их на фасадах храмов вплоть до начала XVI в., в конце концов «переведя» с белого камня на терракотовые плиты (рис. 3, а–б). Изменение оформления фасада (тройная линия орнамента вместо арочно-колончатого пояса и свободно размещаемых фигурных элементов) и ранее неизвестные мотивы (пластичные, сложно скомпонованные плетеные цепочки) рождены не только новым, более простым и лапидарным, архитектурным объемом. Они предполагают иные внешние источники. Их пытались искать в домонгольской орнаментике (Н.Н. Воронин), в резьбе Балканских стран (Г.К. Вагнер) и на Востоке, в сельджукском строительстве

(Л.А. Лелеков), однако вопрос оставался открытым.

Собранные за последние годы на обширном пространстве Восточного Средиземноморья от Анатолии до Египта сравнительные материалы по архитектурной орнаментике XIV–XV вв. позволяют поддержать гипотезу Л.А. Лелекова, связав раннемосковский архитектурный орнамент с особым направлением, образцы которого сосредоточены на памятниках небольших поселений Внутренней Анатолии, по населению (армяне, греки) в основном христианских: караван-сарай Сусуз хан, XIII в.; объекты XIII–XV вв. в Нигде, Кайсерии (Кесария Каппадокийская) и др. Есть примеры в Иерусалиме (тюрбе Туркан-хатун, 1350-е гг.) и Каире, но и там они связаны с сельджуками. Протограф этого орнамента можно найти неожиданно в архитектуре Умейядов – в резьбе дворца калифа Хишама, что вообще говоря, позволяет усомниться в дате именно этой детали (Иерихон, VIII в.) (рис. 4, а–г).

Особенно интересны даже не совпадение мотивов «арабского цветка» (название совершенно ошибочно связывает этот мотив именно с арабами) и ранее не отмечавшиеся близкие аналоги пластичного плетеного орнамента, а сами приемы компоновки резных фасадных поясов, такие как установка их уступами друг над другом. Похоже, сама устойчивая трехчленная схема фризового орнамента московских соборов XIV–XV вв. не есть плод переработки владимиросудальской традиции, она создана заново, на основе знакомства с опытом сельджукской архитектуры. Прослеживается и путь мотивов от внутренних районов Анатолии к южному берегу Черного

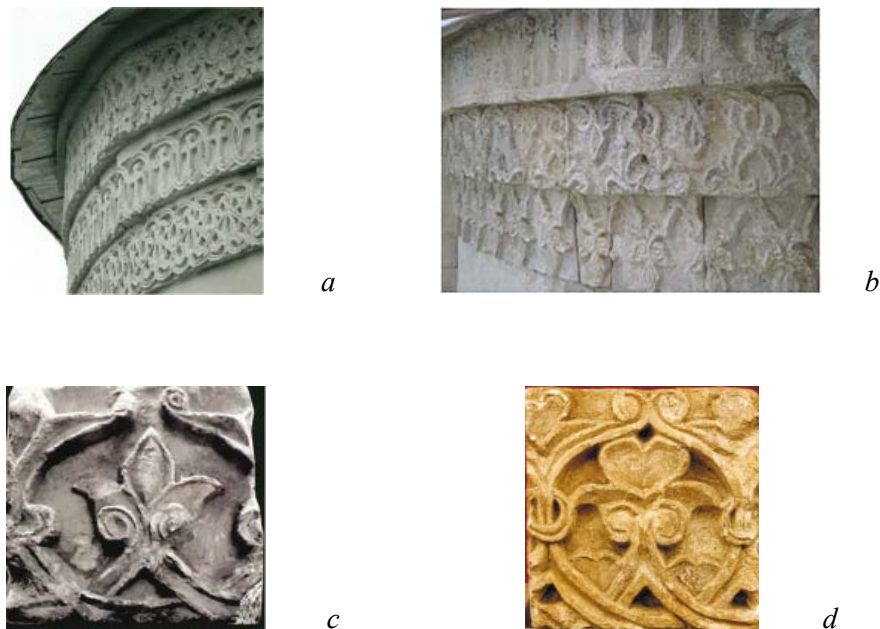

Рис. 2. Резные трехчастные фризы Московской Руси: а – апсида Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, первая четверть XIV в.; б – апсида Успенского собора на Городке, Звенигород, первая четверть XIV в.; в – Благовещенский собор Московского Кремля, 1416 г.; д – камень фриза (Богоявленский за Торгом монастырь, Москва, XIV–XV вв.).

Fig. 2. Carved three-part friezes of Muscovy: a – apse of the Troitsky Cathedral of the Holy Trinity – St. Sergius Laura, first quarter of the 14th century; b – apse of the Uspensky Cathedral on the Gorodok, Zvenigorod, first quarter of the 14th century; c – the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin, 1416; d – the frieze stone (the Bogoyavlensky (Epiphany) Monastery behind the Market, Moscow, 14th – 15th centuries).

Рис. 3. Керамические фризы Московской Руси с мотивом «арабского цветка»: а – дворец в Угличе (1490-е? гг.); б – церковь Святого Духа в Троице-Сергиевой лавре, последняя четверть XV в.

Fig. 3. Ceramic friezes of Muscovy with the motif of the “Arabian flower”: a – a palace in Uglich (1490s?); b – the Holy Spirit Church in the Holy Trinity – St. Sergius Laura, last quarter of the 15th c.

*a**b**c**d**e**f**g*

Рис. 4. Резные «сельджукские» фризы Каппадокии, Египта и Палестины:
 а – Донер Хатун в Кайсери (Кесария Каппадокийская), XIII–XIV вв.;
 б – медресе Хатуние (1432 г.) в Кайсери;
 с – дюрбе Худавенд-Хатун (1312 г.) в Нигде;
 д–е – оформление окна дюрбе Туркан-Хатун (1350-е гг.) в Иерусалиме;
 ф – фриз мечети султана Калауна аль-Мансура (Каир, 1279 – 1290 гг.);
 г – дворец калифа Хишама в Иерихонском оазисе (VIII в.?).

Fig. 4. Carved “Seljuk” friezes in Cappadocia, Egypt and Palestine: a – Doner Hatun in Kayseri (Cappadocian Caesaria), 13th – 14th cc.; b – Hatuniye Madrasa (1432) in Kayseri; c – Hudavend-Hatun Turbe (1312) in Nigde; d–e – window framing of Turkan-Hatun Turbe (1350) in Jerusalem; f – frieze of Sultan Al Mansur Qalawun Mosque (Cairo, 1279–1290); g – Caliph Hisham’s Palace in the Jericho oasis (8th c.?).

a

b

Рис. 5. Резные камни из Солхата, XIV–XV вв. (по: Гаврилов, Майко, 2014).

Fig. 5. Carved stones from Solkhat, 14th – 15th centuries (after Гаврилов, Майко, 2014).

моря и в Крым (Солхат), откуда в Звенигород, через Болгар или напрямую (более точный маршрут потребует серьезного исследования) (рис. 5, a–b).

Приведенные примеры, скорее, из области истории искусства. Но их можно найти и в области чистой археологии. В трансформации технологической модели раннемосковской керамической продукции XIV–XV вв. (и соответственно моды на формы) под влиянием болгарской традиции: в общеизвестном воздействии татарской арабизированной нумизматики на чекан княжеств Руси XIV–XV вв., в некоторых особенностях оружия и снаряжения воина-всадника и так далее (эти примеры приводились неоднократно и здесь не обсуждаются).

Материал для наблюдений предлагают не только раскопки и музейные хранилища. Внутренняя, методическая особенность археологии ислама – возможность проведения сравнительного анализа с использованием источников разного вида. Свидетельства хорошего знакомства московской знати с вещным миром Востока удивительно прямы и ярки. Так, в духовной князя Ивана Дмитриевича Ружского (1503 г.) упомянут молитвенный коврик, причем составители документа

оперируют словом *намаз* («...взял есми у Ивана у Михайлова ковер намазной», показывая, что православные владельцы осведомлены о функции этой необходимой мусульманину для молитвы вещи (в том же тексте названа крымско-турецкая сабля: князь взял у Бориса Кутузова «саблю гирейскую» – ДДГ 1952. № 88, с. 351).

Впрочем, письменные документы встречают археолога не только в архиве или музее – неожиданно яркие тексты предлагают раскопки. Такова берестяная грамота «Москва-3» из Кремля – опись имущества некоего Турабея, вельможи восточного происхождения на службе московских князей (Гиппиус, Зализняк, Коваль, 2011, с. 452–455), в которой перечислены имена его слуг, четко делящиеся на славянские и восточные, и десятки боевых и рабочих коней (рис. 6). Здесь кроется еще одна коннотация с Востоком: владение конями, главным инструментом войны и тягловой силой, определяло в Средневековье статус феодала, правящей династии и государства. Истоки коневодства, как известно, лежат в значительной степени в землях ислама, это в Средневековье знали хорошо (значению «коней Востока» для международного

Рис. 6. Берестяная грамота «Москва-3» с описью имущества Турабея (работы ИА РАН в Кремле, 2007 г.).

Fig. 6. Birch bark manuscript “Moscow-3” with the description of Turabey’s property (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Kremlin, 2007).

культурного обмена и рождения Нового времени в Европе Лиз Жардин и Джерри Броттон посвятили значительную часть труда (Jardine, Brotton, 2000, p. 132–185, 204–241).

Возможность получать коней в почти не ограниченном количестве до начала XX в. определяла военные преимущества России. Не случайно «очарованный странник» Лескова, исключительно точная манифестация национального русского характера – профессиональный конэсер, прирожденный знаток коней, любящий их более всего на свете и неоднократно попадающий на Восток. Именно коневодство и связанная с ним выделка кож образовали экономическую основу развития районов, населенных выходцами с Востока. В Москве, Нижнем Новгороде и других городах многотысячные конные пригоны располагались на приречных лугах, таких как пойма Москва-реки против Коломенского и Конные площадки у Серпуховских ворот (подробнее о топографии: Хайретдинов, 2002).

Проблема коневодства и продажи лошадей жителями степного Поволжья, Подонья, Прикаспия в Московии до сих пор не ставилась (исключая происхождение и распространение упряжи коня и снаряжения всадника) и в археологии Москвы никак не проявлена.

И, напротив, важный для российского исторического нарратива, закреплённый в письменных источниках и «фольклорной истории» сюжет работоторговли, которая велась с территориями и при непосредственном участии исламских государств, фундаментально изучался уже в классических работах М.Д. Полубояриновой (при анализе письменных памятников он прозвучал уже в 1880-х гг. в текстах о русских рабах в Испании, Южной Франции и Италии (Ковалевский, 1886, с. 238–254; Луцицкий, 1886. № 11, с. 192–219; 1885). В западной археологии ислама эта тема стала заметна не ранее конца XX в. (Alexander, 2001, p. 44–60).

Конечно, нам важно строить методические подходы с учетом мирового опыта археологии ислама. Как научная дисциплина эта область существует довольно долго, если считать отдельные крупные раскопки XIX – второй трети XX в.; уже почти полвека прошло с выхода эссе Олега Грабара для исламского номера «Archaeology» (одного из первых спе-

циальных: Grabar, 1971, p. 196–199; о ранних стадиях: Vernoit, 1997, pp. 1–10). Однако разработка подходов и *внутренней* критики в этой области только началась – до недавнего времени не было даже общих курсов, достаточно универсальных для того, чтобы охватить направление целиком.

Этот темп объясним целым рядом сложностей. Пространство исламской цивилизации, исчисленное в квадратных километрах, превосходит размер Римской империи; с нею сопоставимы также яркость и объем материального наследия, глубина и характер разбираемых проблем. Как и там, сохраняется симбиоз с историей архитектуры и искусства, – но положение на иерархической лестнице археологии несопоставимо. Хронология относительно плоская и разомкнутая, она включена в актуальный ход времени и постоянно прирастает за его счет, что рождает высокую связанность с современными процессами и прямую ангажированность.

Последнее подмечено еще Марком Ферро (1992) и специально артикулировано в сборнике 2010 года: «тема русско-восточных отношений вызывает большой общественный интерес и активно эксплуатируется в современной политике», а потому следует «сохранить строгие методические подходы к анализу археологических материалов, исключая одностороннее манипулирование ими для иллюстрации тех или иных историософских концепций» (РиВ, 2010, с. 5).

Не случайно дорогу современной археологии ислама на Западе проложили провокативные тексты Тимоти Инсолла (Insoll, 1999 и др.). Согласно Инсоллу, исламская цивилизация обладает «структурирующим кодом»,

введение которого порождает отличную от прочих исламскую культуру. Это, по его мнению, позволяет через анализ источников выявить наличие у этноса в прошлом исламского вероисповедания и образа жизни.⁴

Не правильнее ли использовать термин *исламская археология* как хроно-географический, нейтральный по отношению к охваченному материалу и методикам его изучения? Отчасти да. Хорошо известны другие случаи, когда направления, воспринимавшиеся как религиозные дисциплины («библейская» и «христианская» археологии), трансформировались в хроно-культурные дефиниции, полностью охватывающие развитие в рамках определенного периода, причем на территориях не только конфессионального сообщества, но и инославных анклавов, с особым упором на историю их взаимоотношений. Не даром противовес Инсоллу – специальный номер журнала «Gesta» (с подзаголовком «Ислам: нежданные встречи»; Encounters of Islam. Vol. XLIII/2: 2004), а позже скромно изданная (современная археология требует избегать издательского гламура), но отлично систематизированная книга Маркуса Милрайта (Millwright, 2010).

Археология ислама, конечно, не ограничена изучением исключительно религиозных древностей. Она исследует прошлое как единое целое, но в тех исторически определенных

---

⁴ Работу Инсолла отличает широта географического охвата, включающего мир ислама не только Азии и Африки, но также мусульман в Западной Европе и Северной Америке. В то же время, работа не вполне археологична, это культурно-антропологический и социологический очерк.

регионах, где после VII в. ислам исповедовала, по крайней мере, элита. Она изучает мир вещей, которые были изготовлены или использованы их жителями, мусульманами и немусульманами. А также культуру мусульман, живших под властью немусульманских элит. Так что мэйнстрим современной исламской археологии предполагает не столько выделение круга мусульманских материальных древностей, сколько соотношение их с обширным изменчивым миром всего человечества.

Следует осознать этот выбор как необходимый. Должны ли мы, вслед за Инсоллом, представлять археологию ислама как «исламскую», то есть конфессиональную, область? Ведь идею поиска устойчивых маркеров, свойственных миру ислама; особого состава предметов и комплексов, отделяющихся от иных религиозных миров, к исламу не принадлежащих, поддерживают не только ученые-мусульмане. Во многих отношениях поиск таких «критериев веры» полезен – хотя бы потому, что на его основании археология ислама самоопределяется как область.

Можно ли отыскать в Московской Руси районы и памятники, где соберутся воедино «пять опор археологии ислама», а именно: посвятительные надписи мечетей, медресе, текие, караван-сараев и др.; выраженные памятники исламского искусства и каллиграфически написанные тексты; общественные здания и жилища с характерной планировкой; погребения по исламскому обряду; свидетельства соблюдения *халляля*, т.е. особых ограничений в питании?

Конечно, первые четыре из пяти признаков ислама очевидны в столи-

це такого политико-культурного феномена, как «Касимовское царство» и пресловутый «Мещерский юрт», их археологией давно пора заняться (рис. 7–9). Что касается пятого признака, то в России он фиксируется на территориях исламских сообществ, в том числе в Среднем и Нижнем Поволжье (Яворская, 2014, с. 197–206).

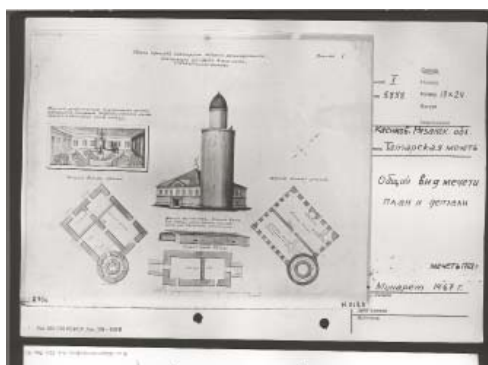
Но в сердце Московской Руси ни мечетей, ни мавзолеев, ни просто мусульманских кладбищ, по крайней мере, до XVIII в., пока не наблюдается. Что явно противоречит идее археологической фиксации признаков конфессионального (православно-исламского) симбиоза. Идея «есть мусульмане – должен быть исламский быт» заметна в недавно переизданной книге Фариды Асадуллина и фундаментальной работе Дамира Хайретдинова, опирающейся на источники XVIII–XIX вв. (Хайретдинов, 2002; рец.: Зайцев, 2004, с. 188–192; см. также: Розенберг, 1987).

К сожалению, источники по Московскому периоду в этих трудах восприняты некритически, и проверка показывает недостоверность многих используемых в них фактах. Яркий пример – заявление, что Марий Иванович Броссе, выдающийся ориенталист и картвеловед, академик, посетив в 1844 г. известное подмосковное село Кунцево, описал сохранившийся фундамент культового сооружения XVI–XVII вв., идентифицировав его как мечеть, и татарское кладбище, плиты которого имели арабские надписи и ориентировку с учетом кыблы (Асадуллин, 2015, с. 40). Будь это так, картина была бы убедительной. К сожалению, Броссе ничего подобного не писал, его пересказанный на рубеже 1840–1850-х годов «отчет»

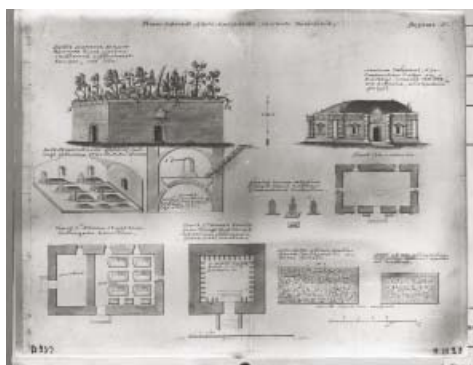

Рис. 7. Исламские памятники Касимова в XVII в. (по гравюре Адама Олеария).

Fig. 7. 17th century Islamic sites of Kasimov (by Adam Olearius's engraving).

a

b

Рис. 8. Памятники Касимова в рисунках И.С. Гагина (1767—1844): а – план, фасад и вид интерьера Старой мечети (XVIII в.) с минаретом (XV в.?). Тушь, акварель, 1840-е гг. Касимовский краеведческий музей (По учетной карточке в картотеке ГМА им. А.В. Щусева, Д 936, Н. 11128, инв. № 5858); б – «Планы и фасады двух мавзолеев, ханского погребения». Лист обмеров и рисунков (тушь, акварель). По учетной карточке в картотеке ГМА им. А.В. Щусева, Д 937, Н. 11129 (инв. № 5859).

Fig. 8. Kasimov sites in I.S. Gagin's drawings (1767—1844): а – plan, façade and interior view of the Old Mosque (18th c.) with minaret (15th c.?). Ink, water-color, 1840s, Kasimov Local History Museum (reference card in the catalog of Shchusev State Architecture Museum, С 936, Н. 11128, inv.no. 5858); б – “Plans and façades of two mausoleums and a khan's burial?”. Sheet with measurements and drawings (ink, water-color). Reference card in the catalog of Shchusev State Architecture Museum, С 937, Н. 11129 (inv.no.5859).

*a**b*

Рис. 9. Исламские памятники Касимова в фотографиях середины XX в.:
 а – текие Авган-Мухаммед-султана, 1649 г. Западный фасад. (ГМА им. А.В. Щусева, колл. ГУОП, neg. 8564); б – текие Шах-Али-хана, супруга Сююмбеке. Портал и плита с надписью. 1550-е годы. (ГМА им. А.В. Щусева, колл. I, neg. № 865).

Fig. 9. Kasimov Islamic sites in photos of the middle 20th century:
 a – Sultan Afghan Mohammed's Tekiye, 1649. Western façade. (Shchusev State Architecture Museum, coll. General Directorate for Monuments Protection, neg. 8564); b – Shah Ali Khan's Tekiye, Queen Seyembike's Husband. The portal and the plate with inscription. 1550s. (Shchusev State Architecture Museum, coll. I, neg. no. 865).

фиксирует белокаменные плиты, но это, несомненно, обычные русские надгробия с резьбой «треугольниками» и «косичками» (XV–XVII вв.?) и церковно-славянскими эпитафиями, вполне верно прочитанными Броссе. Академик упоминает и арабские надписи, и ориентировку могил, но в противоположном смысле, замечая, что в Кунцеве их нет. И правда: раскопки второй половины XX в. на городище показали остатки христианской церкви и кладбища. Что касается топонима, то село «Татарово», действительно, известно вблизи городища, но эта распространенная притяжательная форма никак не указывает на присутствие татарского населения (Броссе, 1849–1850; ср. Трембицкий, 1999).

Памятников арабской эпиграфики, монументальной или надгробной, найденных на месте в коренной Московии мы также не сможем предъявить: фрагменты плиты Султан Юсофа бен Касема в Ново-Иерусалимском монастыре (Зеленская, Святославский, 2006, с. 93–94, 190–191 и фотография) относятся к коллекции областного музея, куда их привез архитектор П.Д. Барановский в 1950-е годы⁵; широкие раскопки 2009–2015 гг. новых следов подобных надписей не обнаружили. Учтенная нами при работах в Зачатьевском монастыре на Остоженке мраморная плита с арабской графикой, принесенная туда в со-

ставе строительного мусора, относится к середине XX в. и даже к поздней археологии не принадлежит.

Московские топонимы от слов *Орда*, *Крым*, *татары* (Татарское кладбище; Крымский брод с одноименным подворьем, Ордынка, Арбат/Рабат) имеют ограниченное распространение, их связь с поселениями и погребениями мусульман до XVII–XVIII вв. археологически не подтверждена, а исторические привязки не всегда надежны. В уже упоминавшейся работе Д. Хайретдинова материалы Нового времени рассмотрены на основании вновь привлеченных источников, но ранний период (до XVII в.) выглядит совершенно легендарным, прежде всего, потому, что автор пользуется общими очерками Москвы и краеведческими сочинениями, в лучшем случае – лингвистическими (Г.П. Смолицкая), историческая составляющая в которых критически не анализировалась. Видимо, пора прекратить переписывать сомнительные гипотезы из нескольких сочинений XIX–XX вв.

Все это не значит, конечно, что кладбища и районы расселения мусульман в дальнейшем не будут обнаружены. Ожидать их нужно на периферии городов, вне крепостных линий – в некоторых случаях мы приблизительно знаем, где их искать (в Татарской слободе селились владевшие восточными языками служащие Посольского приказа; двор касимовских царевичей до XVIII в. помещался на Мясницкой и т.д.). Но мало быть готовыми к появлению соответствующих памятников – нужен целенаправленный поиск, возможно, на основе особой исследовательской программы.

Более того. Исламская составляющая

⁵ Он работал на Кавказе до войны (1938–1941 гг.) и после нее, руководя научно-исследовательской и реставрационной работой в Азербайджане (реставрация Нухинского дворца), в Дагестане и других зонах. Сам он упоминает, что вел эти работы параллельно с реставрацией собора в Новом Иерусалиме. См.: Петр Барановский, 1996.

шая начинает медленно проступать в общей схеме стратиграфии Москвы, предложенной еще М.Г. Рабиновичем. Зададимся вопросом о возможности выделения отдельного «слоя исламского периода», более, чем другие, насыщенного изделиями восточного облика. В сохранных отложениях XIV–XVI вв. на приречной трассе вдоль Москвы-реки, у линии будущей стены Китай-города, ориентальные импорты заняли вполне определенную нишу, хронологически близкую середине – второй половине XIV в. (раскопки ИА РАН, 2015 г.). По составу они соотносимы с находками, характерными для многих поселений Улуса Джучи: на сравнительно небольшой площади (до 100 кв. м) встречены часть зеркала с арабской надписью, декоративные накладки и бляшки в виде цветка лотоса, ордынские монеты, фрагменты бронзовых болгарских браслетов, импортной керамики и др. (рис. 10, а–е). Намечаются подобные скопления в Кремле на участке древнего подворья Орды и Чудова монастыря; укажу и скопление редких для Москвы вещей в Зачатьевском монастыре (саладоновое блюдо, сферокус, фрагменты поливной керамики – не привязанные к определенному слою, они явно принадлежат XIV–XV вв., и, возможно, соотносимы с деятельностью митрополита Алексия) (рис. 11). Отметим и серию ордынских вещей на Затьмацком посаде Твери (о находке сообщили в 2015 г.: с металлическими крестами там сочетаются восточные монеты, сферокус, свинцовый грузик (Оруджев, 2015).

Конечно, до сих пор возможность выделения исламского слоя, или «исламских пятен», оставалась чистой

гипотезой, сомнительность ее реализации очевидна. Но как лабораторный инструмент этот подход продуктивен. Если отказаться от поиска «исламского следа» в области конфессионального искусства (его вклад вполне определен, но ограничен) и сосредоточиться на свидетельствах повседневного быта, то ориентальный флер в Москве XIV–XV вв. проявится четче. Более или менее ясно также, что юг России и современные Донецкая и Харьковская области Украины входят в ареал, население которого оставляло мусульманские могильники и древности в золотоордынский период.

Допустимо ставить вопрос о частичном сходстве бытовой культуры в пространстве Московии и Булгарии ордынского периода; ее представляют, среди прочих, многочисленные в слоях русских городов свинцовые «грузики», распространенные и в Поволжье (ср.: Руденко, 2015, рис. 95, табл. 22–26; Федоров-Давыдов, 1966, с. 86, рис. 6, II–VII, особенно VI; Лесман, 1990, с. 81–84, рис. 10: 7.1–7.8 и мн. др.). Их функции все еще не ясны, но эти, часто орнаментированные, изделия, вылитые из дорогого в Средние века металла, – хороший индикатор общности предметного мира наряду со встречающимися по всей территории Поволжья и Причерноморья замками и ключами или проникающими далеко в исламскую среду артефактами христианского культа.

Возвращаясь к проблематике археологии ислама, отмечу, что это условная генерализация: ее конструкция в точках роста, в разных концах исламского мира, на разных исторических картах очень разная, она зависит от зоны ойкумены и актуального для нее культурно-исторического контекста.

a

b

c

d

e

Рис. 10. Находки в слое второй половины XIV – начала XV в.(?). Москва, Зарядье, раскоп № 7 (ИА РАН, 2015): а – фрагмент зеркала с надписью «наск»; б – край литого металлического браслета с головой дракона; с – бляшка в форме цветка лотоса (?); д – «грузик» орнаментированный (свинец); е – фрагмент стенки сосуда.

Fig. 10. Finds in the layer of the second half of 14th – early 15th c. (?). Moscow, Zaryadye, dig no. 7 (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2015): a – fragment of mirror, with inscription 'Nashk'; b – edge of the cast metallic bracelet with a dragon's head; c – plaque shaped as a lotus flower (?); d – ornamented "weight" (lead); e – fragment of a vessel's wall.

Рис. 11. Фрагменты фарфоровой (селадон) чаши.
Зачатьевский (Алексеевский) монастырь. (ИА РАН, 2004).

Fig. 11. Fragments of a china (celadon) cup. The Zachatyevsky (of St Anna's Conception) and of St Alexej Convent. (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2004).

Так, в Испании археология ислама, хотя чрезвычайно развита, но ставит иные вопросы и занимается иными хронологическими периодами чем, скажем, археология ислама в Сиро-Палестинском регионе (ср.: Guichard, 1976; Boone, 2009; справка по археологии на русском языке: Беляев, Григорян, 2011, с. 485–494, и: Schick, 1995; Petersen, 2005; Avni, 2014). При этом в обеих зонах темы завоевания и освоения мусульманами наследия христианских городов; проблемного или легкого, естественного перехода к новым формам хозяйственной, социальной и религиозной жизни; путей дальнейшего сосуществования конфессий стали господствующими, что фиксируют серии трудов последнего полувека.

Можно, конечно, выстроить еди-

ный набор проблем, таких как взаимодействие исламизированных территорий (классического мира) с культурно-историческим субстратом; сложение контактных зон цивилизаций христианства и ислама; работа международных торговых путей внутри и вокруг этих цивилизаций. Но каждую из них археолог изучает на почве конкретной географии и культурного контекста, ведь вопросы предметного, архитектурного, иконографического мира для такой контактной зоны, как Испания, сильно отличаются от аналогичных даже на юге Италии, не говоря уже о таких территориях контакта, как Кавказ или Сибирь. В зоне Эль-Андалуз христианская цивилизация прервалась на несколько столетий с последующим возвращением (реконкистой). Там

остались многослойные памятники, где христианская, а подчас и дохристианская основа перекрыта исламским слоем, достижения которого вновь использованы в церковных целях, а храмы и мечети неоднократно меняли «собственников».

В России эта модель не встречается. Столь же чуждой нам остается ситуация «вторичного использования» классического и византийского наследия в Османской империи завоеванной Анатолии и, Константинополя (Ousterhout, 1995, p. 48–62; он же, 2004, p. 165–176, там же библиография). Типологически несколько ближе юг Италии, Сицилия и другие большие острова (Корсика, Сардиния), где смешиваются византийские, норманнские и местные традиции с добавкой классической подосновы, а воздействие исламского стиля через торговые города побережья Аппенинского полуострова (включая север: Генуя, Пиза) определяет особенности местного архитектурного стиля (Nickles, 2004, p. 99–114).

Особо интересна для анализа исламского вклада в материально-художественную культуру Московской Руси модель отношений в Латинских королевствах XII–XIII вв. в ключевой момент цивилизационного соприкосновения в Средиземноморье (Hillenbrand, 1999; Georgoroulou, 2004, pp. 115–128), а также исключительно сложная и богатая историческими ассоциациями и самым разнообразным материалом «лабораторная площадка» межконфессиональных исследований – Крым. Убедительная статья написана в этом ключе несколько лет назад (Крамаровский, 2010, с. 395–432) и подкреплена детальной сводкой памятников Солхата (Гаврилов, Май-

ко, 2014). Хотя более традиционным остается подход, при котором даже в общих курсах на первый план выступают материалы одной конфессии – христианства – с его пещерными городами, херсонесскими базиликами, византийскими и позднесредневековыми кладбищами.

Совершенно особый мир представляет пространство международной торговли и местных производств, ею индуцируемых. Оно также распадается на большие эпизоды, некоторые из которых мы уже упоминали. Чрезвычайно интересны и порождают массу ассоциаций (а то и прямые аналогии в материале) такие, например, темы, как общие бытовые и статусные виды артефактов, которые можно оценить как исламско-византийские, но которые распространяются и на территории Руси, и на зону Волжской Булгарии. Например, пресловутые стеклянные браслеты, с их зонами и волнами популярности в разные эпохи Средневековья.

В завершение укажу еще раз на модель, давно предложенную в отечественной науке для выработки критериев разделения русско-христианских и исламских (или во всяком случае нехристианских) поселений и районов в пределах Волжской Болгарии и ордынских земель Нижней Волги, использованную М.Д. Полубояриновой (Полубояринова, 1978; 1993). Несмотря на очевидный вектор, направленный в этих трудах на выделение «неисламских» древностей, они образовали (так сказать, «от противного») один из опорных столбов отечественной археологии ислама.

Поскольку зоны поселений русских, с их христианскими древностями, оказались выделенными в архео-

логии Поволжья существенно раньше, чем аналогичные исламские, – в пределах Центральной России, необходимо направить специальные усилия на продвижение в этом направлении, на обнаружение и выделение исламских анклавов и/или слоев в наиболее северной части Улуса Джучи (если они отсутствуют, важно получить тому твердое доказательство). Не менее актуально параллельное, сравнительное изучение распределения и характера инородных включений – по крайней мере на территориях, где улус и будущее Московское царство географически совпадают.

Речь, таким образом, идет: о составлении корпусов технологически однородных объектов, рассмотренных в общемировом или региональном контексте; о выделении устойчивого набора признаков, маркирующих этно-конфессиональные группы (по-

пытка: Коваль, 2010б, с. 76–85), и очерчивании районов и/или слоев поселений, где сосредоточены такие признаки; о социально-культурной интерпретации этих хроно-географических элементов; об извлечении исторических выводов и включении сделанных наблюдений в большой нарратив (Беляев, 2012, с. 179–191).

Очевидно, что древности ислама важны для Московской Руси в двух аспектах: как памятники северной зоны всей исламской цивилизации, рассматриваемые внутри ее общей археологии, и как пространство культурного взаимодействия, освоение которого оказалось решающим для построения Московского царства. Пока археологии трудно убедительно показывать масштаб взаимного обмена культур, но наблюдать и оценивать его крайне интересно и, несомненно, полезно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асадуллин Ф. Мир ислама в общественно-культурном пространстве Москвы: опыт прошлого и современность. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 228 с.
2. Беляев Л.А. «Восточные влияния» или общеевропейский «ориентализм»? О методических подходах к характеристике исламских элементов в культуре средневековой Москвы // Русь и Восток в IX–XI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН; Наука, 2010. С. 18–27.
3. Беляев Л.А. De archeologia abrahamica // Archeologia abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 5–28.
4. Беляев Л.А. Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН / Ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М., 2012. С. 179–191.
5. Беляев Л.А. Археология позднего средневековья и нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях. Сб. науч. ст. Т. I. / Отв. ред. Л.В. Татаурова, В.А. Борзунов. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Издательство «Магеллан», 2014а. С. 11–18.
6. Беляев Л.А. Архитектура собора Покрова на Рву в контексте раннего европейского ориентализма // 450 лет Покровскому собору. Покровский собор в истории и культуре России. / Отв. ред. Л.И. Лифшиц. М., 2013. С. 28–37.
7. Беляев Л.А. Древняя Русь в кругу средневековых цивилизаций и культур // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Изд-во РГГУ, 1999. С. 40–47.

8. Беляев Л.А. Орнаментальные фризы на фасадах раннемосковских храмов конца XIV – первой четверти XV века: генезис мотивов и композиции // Сергей Радонежский и русское искусство второй половины XIV – первой половины XV века в контексте византийской культуры. Тез. док. в Междунар. науч. симпозиума. М., 2014b. С. 7–8.

9. Беляев Л.А., Григорян С.Б. Испания: археология // Православная энциклопедия. Т. 27. / Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: НИЦ «Православная энциклопедия», 2011. С. 485–494.

10. Беляев Л.А., Чернецов А.В. Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Изд-во РГГУ, 1999. С. 205–226.

11. Броссе М.И. Подмосковные села: Кунцево и Влахернское. Исследование академика М.И. Броссе в Кунцеве... // Московские ведомости. 1849, № 79 и 80; 1850, № 67 (отдельным изданием: М. 1850).

12. Гаврилов А.В., Майко В.В., Средневековое городище Солхат-Крым (Материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: «Бизнес-Информ», 2014. 212 с.

13. Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Коваль В.Ю. Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль XV столетия: Сб. ст. Т. 1: Древние святыни и исторические памятники / Отв. ред. Л.А. Беляев, И.А. Воронникова. М.: Арт-Волхонка, 2011. С. 452–455.

14. Гусач И.Р. Керамические материалы Северо-Восточного Приазовья в Позднем Средневековье: Османский период // Тр. IV (XX) ВАС съезда в Казани. Том III. Казань: Отечество, 2014. С. 596–597.

15. Гусач И.Р., Валид Али Мухаммед. Мусульманские клинки с надписями из коллекций донских музеев // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Вып. 27. / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2013. С. 268–319.

16. Зайцев И.В. (рец.): Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Нижний Новгород, 2002 // Восток (Oriens). 2004. № 2. С. 188–192.

17. Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима. Историко-семиотическое исследование. М.: «Древлехранилище», 2006. 418 с.

18. Ковалевский М.М. О русских и других православных рабах в Испании // Юридический вестник. Т. 21, кн. 2 (февраль). М., 1886. С. 238–254.

19. Коваль Ю.В. Глазурованные чашечки из погребений XI века // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. Сб. статей к 60-летию акад. Н.А. Макарова. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: ИА РАН; «Древности Севера», 2015. С. 229–239.

20. Коваль Ю.В. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

21. Коваль Ю.В. Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН; Наука, 2010б. С. 76–85.

22. Копытофф Игорь. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей / Ред. В. Вахштайн. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 134–168.

23. Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдикиев. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 411–478.

24. Крамаровский М.Б. Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII–XIV вв. // *Archeologia abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. / Под ред. Л.А. Беляева. М.: Индрик, 2009. С. 395–432.

25. Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Ма-

териалы по археологии Новгорода. 1988. / Отв. ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. М.: Новгородская археологическая экспедиция, 1990. С. 29–98.

26. *Луцицкий И.В.* Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и в XV веках // Университетские известия. Киев, 1885. № 1. (отдельный оттиск).

27. *Луцицкий И.В.* Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV веках [рец.] // Университетские известия. Киев, 1886. № 11. С. 192–219.

28. *Оруджев Р.* Устное интервью о работах в Твери в 2015 году // Государственная Академия Славянской культуры, 2015. Сетевой ресурс: <http://www.kp.ru/daily/26466/3336658>.

29. *Петр Барановский.* Труды, воспоминания современников. / Сост. Ю.А. Бычков и др. М.: Фонд П.Д. Барановского, МГО ВООПИиК, 1996. 280 с.

30. *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 136 с.

31. *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария. М.: Наука, 1993. 123 с.

32. *Розенберг Л.И.* Татары в Москве XVII – середины XIX века // Этнические группы в городах Европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры). / Отв. ред. П. Дашкевич. М.: АН СССР, 1987. С. 16–26.

33. *Руденко К.А.* Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 255–364.

34. *Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г.* Надписное надгробие XVII века из раскопок Казанского кремля // *Archeologia abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. Под ред. Л.А. Беляева. М.: Индрик, 2009. С. 385–394.

35. *Трембицкий А.А.* По Западному округу. Фили. Кунцево. Описание жизни родной земли. М.: Компания Спутник, 1999. 84 с.

36. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

37. *Ферро Марк.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. 351 с.

38. *Хайретдинов Д.З.* Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2002. 248 с.

39. *Энговатова А.В.* Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.: ИА РАН, 2012. 296 с.

40. *Яворская Л.В.* Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 197–206.

41. Alexander J. Islam, archaeology and slavery in Africa. *World Archaeology*, 2001, vol. 33, no. 1, pp. 44–60.

42. Avni Gideon, *The Byzantine-Islamic Transition in Palestine. An Archaeological Approach*. Oxford, 2014, 448 p. (Oxford Studies in Byzantium)

43. Beliaev Leonid A. and Chernetsov, *The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture*. Muqarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. Edited by Gulru Necipoglu. Leiden: BRILL, 1999, vol. 16, pp. 97–124.

44. Boone, James L. *Lost Civilization: The Contested Islamic Past in Spain and Portugal* (Debates in Archaeology), 2009, 144 p.

45. Georgopoulou Maria, *The Artistic World of the Crusaders and Oriental Christians in the Twelfth and Thirteenth Centuries*. Gesta, vol. XLIII/2: Encounters of Islam, 2004, pp. 115–128

46. Grabar Oleg, *Islamic Archaeology: An introduction*. *Archaeology*, vol. XXIV, no. 3, June ("Islamic Archeology"), 1971, pp. 196–199.

47. Guichard Pierre, *Al Andalus, 711–1492: Une histoire de l'Andalousie arabe*. Hachette, Paris, 1973 (trans. 1976), 269 p.

48. Hillenbrand Carole, *The Crusaders. Islamic Perspectives*. Edinburgh, University Press, 1999, 648 p.
49. Insoll, Timothy. *The Archaeology of Islam*. Oxford: Blackwell, 1999, 292 p.
50. Jardine L. *Wordly Goods: a new history of the Renaissance*. N.Y.; L., 1998, 512 p.
51. Jardine L., Brotton J. *Global Interests: Renaissance Art Between East and West*. Ithaca; New York, 2000, 224 p.
52. Johns Jeremy. *Islamic archaeology at a difficult age*. Art and Archaeology of the Islamic Mediterranean. The Khalili Research Centre University of Oxford. Electronic resource: <http://www.antiquity.ac.uk/reviews/johns326.html>.
53. Kopytoff I. *The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process*. ed.: A. Appadurai. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge, 1986, pp. 65–91.
54. Millwright Marcus. *An Introduction to Islamic Archaeology*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. (The New Edinburgh Surveys, edited by Carole Hillenbrand), 260 p.
55. Milwright Marcus, *Defining Islamic Archaeology. Some Preliminary Notes*. web. mit.edu/akpia/www/articlemilwright.pdf.
56. Nickles Charles E. *Builders, Patrons and Identity: the Domed Basilicas of Sicily and Calabria*. *Gesta*. Vol. XLIII/2: *Encounters of Islam*. 2004, pp. 99–114.
57. Ousterhout Robert, *Ethnic Identity and Cultural Appropriation in Early Ottoman Architecture*. *Muqarnas*. XIII (1995), pp. 48–62.
58. Ousterhout Robert, *The East, the West and the Appropriation of the Past in Early Ottoman Architecture*. *Gesta*. Vol. XLIII/2: *Encounters of Islam*. 2004, pp. 165–176.
59. Petersen Andrew. *The Towns of Palestine under Muslim Rule AD 600-1600*. 2005, (BAR International), 243 p.
60. Schick Robert. *The Christian Communities of Palestine from Byzantine to Islamic Rule*. Princeton, N.J., 1995, 621 p.
61. Vernoit Stephen. *The Rise of Islamic Archaeology*. *Muqarnas XIV: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*. Gülru Necipoglu (ed). Leiden: E.J. Brill, 1997, pp. 1–10.
62. Walmsley Alan, *Archaeology and Islamic studies: the development of a relationship. From Handaxe to Khan: essays presented to Peder Mortensen on the occasion of his 70th birthday*. Aarhus Universitetsforlag, Aarhus, 2004, pp. 317–329.

Информация об авторе:

Беляев Леонид Андреевич, доктор исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); labeliaev@bk.ru

THE ISLAMIC ORIENT AND THE DEVELOPMENT OF MATERIAL CULTURE OF MUSCOVY: EVALUATION METHODS

L.A. Belyaev

The author discusses approaches to archaeological analysis of the Muslim contribution to the development of Muscovy, as well as the mere possibility of such analysis. So far, the studies focused on identification of some interpenetrating elements of the material and artistic culture, which is necessary, but not quite sufficient. New tasks must be formulated: to outline and characterize areas of intersection of various cultural streams; to identify forms and stages of such contacts; to understand ways for primary perception of impulses, which gave birth to distinctive national cultures in the Middle Ages and in the Modern era; to trace processing of such impulses further on; to try and understand whether there was a monocultural archaeological environment that existed in the past and belonged to the co-

---

The article was prepared under the research project “The Culture of Muscovy and Its Origins” (0176-2015-0007).

existing groups speaking different languages and belonging to different confessions.

Keywords: archaeology, history, Islamic archaeology, historical archaeology, Muscovy, Muslim Orient, ethno-confessional groups, cultural contacts, culture.

REFERENCES

1. Asadullin, F. 2015. *Mir islama v obshchestvenno-kul'turnom prostranstve Moskvy: opyt proshlogo i sovremennost'* (*The World of Islam in the Socio-Cultural Space of Moscow: the Experience of Past and the Present Time*). Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Belyaev, L. A. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Noveye arkhеologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th — 11th Centuries: New Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 18–27 (in Russian).
3. Belyaev, L. A. 2009. In Belyaev, L. A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkhеologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: "Indrik" Publ., 5–28 (in Russian).
4. Belyaev, L. A. 2012. In Derevyanko, A. P., Kudelin, A. B., Tishkov, V. A. (eds.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii. (Historical and Cultural Heritage and Spiritual Values of Russia)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ., 179–191 (in Russian).
5. Belyaev, L. A. 2014. In Tataurova, L. V., Borzunov, V. A. (eds.). *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniiaakh (The Culture of Russians in Archaeological Research)* I. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: "Magellan" Publ., 11–18 (in Russian).
6. Belyaev, L. A. 2013. In Lifshits, L. I. (ed.). *450 let Pokrovskomu soboru. Pokrovskii sobor v istorii i kul'ture Rossii (450 Years of Pokrovsky Cathedral. Pokrovsky Cathedral in the History and Culture of Russia)*. Moscow, 28–37 (in Russian).
7. Belyaev, L. A. 1999. In Chernetsov, A. V. (ed.). *Drevnerusskaia kul'tura v mirovom kontekste: arkhеologiia i mezhdistsiplinarnye issledovaniia (The Old Rus' Culture in the World Context: Archaeology and Interdisciplinary Studies)*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 40–47 (in Russian).
8. Belyaev, L. A. 2014. In *Sergii Radonezhskii i russkoe iskusstvo vtoroi poloviny XIV – pervoi poloviny XV veka v kontekste vizantiiskoi kul'tury (Sergius of Radonezh and the Russian Art of the Second Half of 14th — First Half of 15th Centuries in the Context of the Byzantine Culture)*. Moscow, 7–8 (in Russian).
9. Belyaev, L. A., Grigorian, S. B. 2011. In *Pravoslavnaia entsiklopediia (The Orthodox Encyclopedia)* 27. Moscow: "Orthodox Encyclopedia" Publ., 485–494 (in Russian).
10. Belyaev, L. A., Chernetsov, A. V. 1999. In Chernetsov, A. V. (ed.). *Drevnerusskaia kul'tura v mirovom kontekste: arkhеologiia i mezhdistsiplinarnye issledovaniia (The Old Rus' Culture in the World Context: Archaeology and Interdisciplinary Studies)*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 205–226 (in Russian).
11. Brosse, M. I. 1850. *Podmoskovnye sela: Kuntsevo i Vlahernskoe. Issledovanie akademika M. I. Brosse v Kuntseve... (The Villages of the Moscow Region: Kuntsevo and Vlahernskoe. Studies of the Academician M. I. Brosse in Kuntsevo...)*. Moscow (in Russian).
12. Gavrilov, A. V., Maiko, V. V. 2014. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (Materialy k arkhеologicheskoi karte goroda Staryi Krym) (Medieval Fortified Site of Solkhat-Krym: Materials to the Archaeological Map of the Staryi Krym Town)*. Simferopol: "Business-Inform" Publ. (in Russian).
13. Gippius, A. A., Zaluzniak, A. A., Koval', V. Yu. 2011. In Belyaev, L. A., Vorotnikova I. A. (eds.). *Moskovskii Kreml' XV stoletii (The Moscow Kremlin in 15th Century)* 1. *Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki (Ancient Sacred Places and Historical Sites)*. Moscow: "Art-Volkhonka" Publ., 452–455 (in Russian).
14. Gusach, I. R. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhеologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Meeting in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo"

Publ., 596–597 (in Russian).

15. Gusach, I. R., Valid Ali Muhammad. 2013. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2011 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2011)* 27. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 268–319 (in Russian).

16. Zaitsev, I. V. 2004. In *Vostok (Oriens)* (2), 188–192 (in Russian).

17. Zelenskaia, G. M., Sviatoslavskii, A. V. 2006. *Nekropol' Novogo Ierusalima. Istoriko-semioticheskoe issledovanie (The Necropolis of New Jerusalem: Historical and Semiotic Study)*. Moscow: "Drevlekhranilishche" Publ. (in Russian).

18. Kovalevskii, M. M. 1886. In *Iuridicheskii vestnik (Juridical Herald)* 21 (2). Moscow, 238–254 (in Russian).

19. Koval', Yu. V. 2015. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi: arkheologia, istoriia, kul'tura (Towns and Villages of Medieval Russia: Archaeology, History, Culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 229–239 (in Russian).

20. Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th–17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

21. Koval', Yu. V. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th – 16th Centuries: New Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 76–85 (in Russian).

22. Kopytoff, I. 2006. In Vakhshain, V. (ed.). *Sotsiologiia veshchei (Sociology of Things)*. Moscow: "Territoriiia budushchego" Publishing House, 134–168 (in Russian).

23. Kravchenko, E. E. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 411–478 (in Russian).

24. Kramarovskii, M. B. 2009. In Belyaev, L. A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: "Indrik" Publ., 395–432 (in Russian).

25. Lesman, Yu. M. 1990. In Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. (eds.). *Materialy po arkheologii Novgoroda. 1988 (Materials on the Archaeology of Novgorod: 1988)*. Moscow: Novgorod Archaeological Expedition, 29–98 (in Russian).

26. Luchitskii, I. V. 1885. In *Universitetskie izvestiia (Bulletin of the University)* 1. Kiev. (Offprint) (in Russian).

27. Luchitskii, I. V. 1886. In *Universitetskie izvestiia (Bulletin of the University)* 11. Kiev, 192–219 (in Russian).

28. Orudzhev, R. 2015. *Interv'iu o rabotakh v Tveri v 2015 godu (Interview on the Works in Tver in 2015)*. Online resource: <http://www.kp.ru/daily/26466/3336658> (in Russian).

29. Bychkov, Yu. A., et al. (comp.). 1996. *Petr Baranovskii. Trudy, vospominaniia sovremennikov (Petr Baranovsky: Works, Memoirs of Contemporaries)*. Moscow: P. D. Baranovsky's Fund; Moscow City Branch of the All-Union Society of Historical and Cultural Sites Protection (in Russian).

30. Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

31. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaiia Bolgariia (Rus' and Volga Bulgaria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

32. Rozenberg, L. I. 1987. In Dashkevich, P. (ed.). *Etnicheskie grupy v gorodakh evropeiskoi chasti SSSR (formirovanie, rasselenie, dinamika kul'tury) (Ethnic Groups in the Cities of the European Part of USSR (Formation, Settlement, Dynamics of Culture))*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 16–26 (in Russian).

33. Rudenko, K. A. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 255–364 (in Russian).

34. Sitdikov, A. G., Shakirov, Z. G. 2009. In Belyaev, L. A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkhologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: "Indrik" Publ., 385–394 (in Russian).
35. Trembitskii, A. A. 1999. *Po Zapadnomu okrugu. Fili. Kuntsevo. Opisanie zhizni rodnoi zemli (Across the Western District. Fili. Kuntsevo. Description of Life in Homeland)*. Moscow: "Kompaniia Sputnik" Publ. (in Russian).
36. Fyodorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
37. Ferro, M. 1992. *Kak rasskazvaiut istoriiu detiam v raznykh stranakh mira (Comment on raconte l'histoire aux enfants : à travers le monde entier)*. Moscow: "Vysshiaia shkola" Publ. (in Russian).
38. Khairtdinov, D. Z. 2002. *Musul'manskaia obshchina Moskvy v XIV – nachale XX veka (Muslim Community in Moscow in 14th — Early 20th Centuries)*. Nizhny Novgorod: "Medina" Publishing House (in Russian).
39. Engovatova, A. V. 2012. *Arkheologiia drevnego Iaroslavl'ia. Zagadki i otkrytiia (Archaeology of Ancient Yaroslavl: Riddles and Discoveries)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences.
40. Yavorskaya, L. V. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 197–206 (in Russian).
41. Alexander, J. 2001. Islam, archaeology and slavery in Africa. *World Archaeology*. Vol. 33, n. 1, 44–60.
42. Avni, Gideon. 2014. *The Byzantine-Islamic Transition in Palestine. An Archaeological Approach*. Oxford (Oxford Studies in Byzantium).
43. Beliaev, L. A., Chernetsov, A. 1999. Edited by Gülru Necipoğlu. The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture. *Muqarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World* 16. Leiden: Brill, 97–124.
44. Boone, J. L. 2009. *Lost Civilization: The Contested Islamic Past in Spain and Portugal (Debates in Archaeology)*.
45. Georgopoulou, M. 2004. The Artistic World of the Crusaders and Oriental Christians in the Twelfth and Thirteenth Centuries. *Gesta* XLIII (2): *Encounters of Islam*, 115–128.
46. Grabar, O. 1971. Islamic Archaeology: An introduction. *Archaeology* XXIV (3). *Islamic Archaeology*, 196–199.
47. Guichard, P. 1973. *Al Andalus, 711–1492: Une histoire de l'Andalousie arabe*. Paris : Hachette (trans. 1976).
48. Hillenbrand, C. 1999. *The Crusaders. Islamic Perspectives*. Edinburgh: University Press.
49. Insoll, T. 1999. *The Archaeology of Islam*. Oxford: Blackwell.
50. Jardine, L. 1998. *Worldly Goods: a new history of the Renaissance*. New York; London.
51. Jardine, L., Brotton, J. 2000. *Global Interests: Renaissance Art Between East and West*. Ithaca; New York.
52. Johns, J. Islamic archaeology at a difficult age. Art and Archaeology of the Islamic Mediterranean. The Khalili Research Centre University of Oxford. Electronic resource: <http://www.antiquity.ac.uk/reviews/johns326.html>.
53. Kopytoff, I. 1986. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process. In Appadurai, A. (ed.). *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge, 65–91.
54. Millwright, M. 2010. *An Introduction to Islamic Archaeology*. (The New Edinburgh Surveys, edited by Carole Hillenbrand). Edinburgh: Edinburgh University Press,
55. Milwright, M. *Defining Islamic Archaeology. Some Preliminary Notes*. Electronic resource: web.mit.edu/akpia/www/articlemilwright.pdf.
56. Nickles, Ch. E. 2004. Builders, Patrons and Identity: the Domed Basilicas of Sicily and Calabria. *Gesta* XLIII (2). *Encounters of Islam*, 99–114.

57. Ousterhout, R. 1995. Ethnic Identity and Cultural Appropriation in Early Ottoman Architecture. *Muqarnas* XIII, 48–62.
58. Ousterhout, R. 2004. The East, the West and the Appropriation of the Past in Early Ottoman Architecture. *Gesta* XLIII (2). *Encounters of Islam*, 165–176.
59. Petersen, A. 2005. *The Towns of Palestine under Muslim Rule AD 600-1600*. BAR International Series.
60. Schick, R. 1995. *The Christian Communities of Palestine from Byzantine to Islamic Rule*. Princeton, N. J.
61. Vernot, S. 1997. The Rise of Islamic Archaeology. In Gülru Necipoğlu (ed.). *Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World* XIV. Leiden: E. J. Brill, 1–10.
62. Walmsley, A. 2004. Archaeology and Islamic studies: the development of a relationship. *From Handaxe to Khan: essays presented to Peder Mortensen on the occasion of his 70th birthday*. Aarhus Universitetsforlag, Aarhus, 317–329.

About the Author:

Belyaev Leonid A. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; labeliaev@bk.ru

Статья поступила в номер 15.02.2016 г.